

ДОБРО

Павел Нефедов

16+

Павел Нефедов
Добро. Первая часть

«Автор»

2017

Нефедов П.

Добро. Первая часть / П. Нефедов — «Автор», 2017

Павел Нефедов: писатель, поэт, психолог, практик. Добро — мир, созданный из реальности, которая формируется из искренних желаний! Книга о моем сыне, как о создателе ДОБРА. Приглашаем вас в свой фантастический мир. Там вы сможете быть созидателями!

© Нефедов П., 2017

© Автор, 2017

(Моему сыну)

22.08.16

МОЕ УТРО.

Сон... Ветерок развеивает мои нежные и податливые от возраста волосы. Прекрасно чувствуя себя, я открываю глаза... Нет, это не сон, просто мимолетная забывчивость моего обычного восприятия. Того, что когда-то трогало струнки моей, не побоюсь этого слова – прекрасной души.

– О Боги! Она поет! Она проснулась и поет! Как же так, это чудо? Нет. Все то же восприятие, все как обычно: тот же стол, та же обстановка в комнате. Улица в том же цвете лета, и надежды на более лучшее, чем есть. А куда уже лучше, когда все рядом, все во мне. Я люблю себя, свое тело, мысли. Я люблю своих близких, родных, соседей, свою страну, нашего самого лучшего на земле президента. Значит ничего не поменялось, я все тот же ребенок, тот же розовый дух бытия и счастья, как с рождения. Мне не нужны деньги, работа, все и так есть, все рядом. Мир не вокруг меня, он внутри меня. Я и мой Бог, вселенная, все со мной. Ах... Я начинаю понимать... Дело не в ком-то, чем-то, не в смысле, дело в априори, в умиротворении, в процессе, по пути к счастью, к любви, ДОБРУ!

Маленькое утреннее чудо поднимает мое сознание, а вместе и с ним поднимается мое тело.

– Понял... Осознал, это чувство эйфории и удовлетворения и есть мой двигатель, мой механизм для самосотворения будущего. Я так счастлив, и мой внутренний мир открылся для информации, для себя, людей, моей семьи. И уже не в глубине души, а на поверхности витает мысль, понимание – Я, это то, что я мыслю, делаю, чувствую. Ой... Муха жужжит! А как красиво, не сбивает меня с ритма, не мучает своим присутствием, будто в такт моим подсознательным вибрациям отбивает ритм красивых мыслей тонкого понимания бытия.

Я согласился с ней, но внутренний голос говорит:

– Пора вставать, пора творить!

Ведь какая правильная вещь утверждение: «Движение, это жизнь!» В созидании есть чудо того, как первобытный человек познал свою сущность, свой внутренний мир, своих предков, потомков. Созидание, жизнь, движение и есть одно целое, что нас делает людьми, самыми прекрасными существами на нашей планете. А можно сказать, на нашем острове под названием: «Счастье».

Встаю, по привычке поправляю волосы.

– Ох... Они еще и приятно пахнут.

А что для этого потребовалось? Просто почувствовать это, просто поверить в это! Вот и открылся секрет долголетия, – силы вечной молодости. Хочешь быть молодым, талантливым, красивым? Стань им... Будь собой, полюби все это. Все то, что дорого. А все что с тобой связано и есть твоя проекция, твоя жизнь. Одень на себя одежду, что по душе, ту, что вызывает в тебе детский восторг. Прими свои мысли, но с нежными чувствами.

Медленно встав, я бы сказал, с любовью к каждому движению своего воздушного тела, я вдруг невзначай оглядел пол.

– Что это за узоры? Ведь кто-то это все придумал, смонтировал в своем богатом воображении. Да... Это точно с душой. Это точно для меня. Ведь я живу в этой квартире, мне нравится ходить босиком по этому шедевру.

Искорка... Без сомнения сильнейшая искра... Я вижу, и знаю, я опять понял...

– Талант! Талант... А в чем он заключается? Да... Знаю, вижу, чувствую.

И как бы невзначай начинаю себе объяснять. Нет не шепотом, не мысленно, просто объяснять глубоко внутри.

– Я талантлив! Все талантливы! Возьму для примера сомелье. Ох как красиво звучит!!! Только талантливый человек может позволить себе придумать такое невероятное, и наполненное смыслом и красотой слово. Так вот сомелье... Он Моцарт своего дела, и хранитель. Он читает код напитков, как его читает по нотам музыкант в своих шедеврах! Ноты, рифмы, вдохновение, любовь к родному делу! И это даже не профессионализм. Это поэзия осознания любого вопроса изнутри!

Я оглянулся, опять линолеум. Есть внутренний вопрос...

– А из чего он?

Пауза. Нет, дело же не в том, что я стал вспоминать прикладные науки. Дело глубже, опять намного глубже.

– Понял!

Я сам могу объяснить из чего он, и как создан. Просто расслаблюсь. Забуду язык мира, и по своим внутренним ощущениям воссоздам свою науку, истоки, процесс и наконец, пояснения, и обычные человеческие, не навязанные кем-то, а свои обозначения.

Все... Точно понял: из чего, и как он был сотворен, сделан, рожден на свет.

Опять это ощущение внутреннего спокойствия и блаженства... Я сам могу все объяснить. Главное для этого мне не потребовалось времени и старания, бесконечных поисков, споров и самокопаний. Я отпустил значимость этого вопроса, и стал сомелье... Сомелье всего, что можно назвать этим красивым словом. Поистине, прекрасным продуктом человеческого мышления, в сочетании с душой.

Стоять-то я стою. Но как? Почему задумался? С какой целью? Возможно, просто поймал внутреннее спокойствие. На секундочку почувствовал свою значимость, но не вступая на ступень выше других. Просто так. Для мира в своей голове.

Такое ощущение, что я чувствую знакомый мотив... Что это? Мелодия? Песня? Танец? Поэзия??? Ага... Догадываюсь, это опять нотки моей души. Хочется творить, петь, плясать, рисовать!

Опять прокручиваю в голове: это не талант, это что-то на более высоком уровне. Что не могу объяснить. Не могу понять. Да... Осознаю, что не нужно ничего понимать. Просто это есть. Это со мной!

Быстрее... Ручка... Листок бумаги...

– Уф. Нашел!

Присел? Или до сих пор стою? Не понимаю, но уже пишу. Но что? Не важно. Главное оно приходит и растворяется на бумаге.

Стоп, почему застыл в безмятежном камне? Нет мысли. Нет ничего. Пауза... Время... Понял! Я начал задумываться, что писать. Именно поэтому вдохновение ушло. Забылся... Обнулится... Все я чист! Не нужно слов, мыслей, споров, и определений правописания.

– Урааа... Да... Боже... Да!!!

Рука снова двигается. Что-то появляется на бумаге! Все... Счастлив! Не перечитываю. Не переживаю, как оно будет. Да и зачем? Я просто что-то передаю... Что-то искренне хочу донести, хотя бы на бумаге. Я искренне верю, что она живая и наслаждается чернилами, которые впитываются с созидательным ощущением бытия!

Вот и пускай льются, текут и радуют бумагу. Как магия, как нежность всех чар любви и очарования, с которыми я могу передать свой внутренний мир!

– Да, живу! Да, пою!

Есть понимание того, как мне хорошо и равновесно талантливо!

Как же так? Отвлекся... Забыл, – ел сегодня или нет? Нет, я же только встал. Мне не ведомо, хочу я совершать этот процесс или нет.

Да, но как же осознание того, что мою оболочку – тело нужно поддерживать? Ага... Вот мое приземленное. Вот мой эгоизм... Хотя нет. Душа едина, она не частица вселенной, она и есть вселенная внутри себя. В ней то, что все любят, ценят!

Но как это объяснить?

Нужно ли объяснение понятных обозначений и пропорций???

Нет... Не нужно... Смысл теряю... Отвлекся.

– Ааааа...

Вспомнил! Даже не вспомнил, просто пришло!

– ДОБРО...

– Добро... Добро!!!

Записал на листке и замер... Что это? Это все. Что я написал???. А сколько времени прошло?

– Часы, часы... Так стена... Вот они! Нет, не может этого быть... Стоят.

– Хорошо-то как! Часы стоят, значит я не узнаю времени. И не пойму, сколько ушло этих земных частиц на написание слова «Добро»!

А как все прошло... Как прожил это... Внутри, снаружи!!! Почему слезы текут? И почему я их не вытираю? Осознаю... Из-за того, что они связаны со счастьем! Не стыдно!!!

– Ха... Стыдно!

Кто придумал? Но звучит красиво! Вот и не трогает это меня понятие. Я люблю, когда стыдно... Ведь мои ассоциации с этим понятием, только положительные.

Стыдно, нежно, красиво! Во всем этом есть вклад, поистине только счастливого человека.

Так... Написал... Поплакал... Что дальше? Думаю... Нет, уже просто чувствую... Дальше тоже самое: буду творить пока на душе хорошо!

Одно лишь слово... Добро! А сколько в нем смысла, нежности, ласки! Какое невероятное чувство блаженства! Пишется история... Начало... Продолжение... И даже чернил не нужно. Возьми хоть ручку, хоть электронный носитель. Все внутри, все в себе.

Значит, когда кто-то и где-то прочтет или услышит, то... Поймет... Все красивые и нежные истории пишутся внутри... В своей глубинной вселенной!

Хорошо, когда можешь не писать... Пускай каждый, кто прочтет название: «Добро», создаст свою внутреннюю книгу. Свою историю, летопись.

Грезы, мечты... Как не назови, они всегда с нами. Не нужно желать, думать, хотеть!

Просто необходимо доносить себе самому, что все прекрасно. И счастье это ты и все, что окружает!

После повисшей паузы в плотном слое воздуха, до невероятности и волшебства, в знакомой мне уже комнате, наступило великолепное чувство негодования, или смятения, но искреннего и родного!

Значит пора двигаться дальше, с присущем мне балансом, во всем теле.

– Стоп! Почему я один? Этого не может быть!

Я ощущаю безмерное тепло в груди! Не предвестник ли это, присутствия родных и близких мне людей?

Вера в существование похожих душ в одном пространстве с моей, придала мне сил и уверенности в каждом последующем движении. Как приятно так думать и знать, что я прав.

А к чему я об этом стал думать? Все верно... Я живой человек! И мысль об одиночестве не должна, и не придет никогда!

Дверь тихонько скрипнула и поманила мой взор к источнику приятного шума. Я обернулся... Застыл... Глаза с неистовой, но нежной жадностью осмотрели около дверное пространство.

– Нет... – Улыбаясь, произнес я. Это просто непослушный ветер, который резво выпрыгнул в приоткрытую форточку, и неугомонно попытался проскочить в щель, между дверью и

косяком. Пускай резвиться. Он как ребенок. Как нежный малыш, который притворяясь взрослым, решил следовать за своим намерением.

Отпустив эти мысли, я успокоился... Расслабился...

Вернувшись в состояние понимания, что я все-таки не один, закрыл глаза. И тихонько про себя улыбнулся, но так нежно и красиво, что мурашки пошли по телу.

– У меня же много комнат... Можно во всех посмотреть!

Немного потянувшись... Чувствуя каждую мышцу своего тела, каждый миллиметр своего организма, и проделав ровную и удаленную от гимнастики растяжку, я понял, что вновь наваяло тихое спокойствие душевных нот! Так как полная гармония разума, души и тела преподносят подарок в виде эндорфинов, проскользнувших в самую глубину моего радостного, и по-настоящему живого «мозга».

Наконец сделав первые шаги, мое тело перенеслось в огромное пространство, именуемое холл. Осмотревшись вокруг, в полумраке, произнес:

– Никого!

Вдруг щелчок... Небольшой испуг всех нервных окончаний от яркого света. Улыбнулся...

– Это автомат включения освещения! – Промолвил еле слышно, для успокоения. Смешно и нелепо... Человек что-то создает, изобретает, а потом от этого испытывает, хоть временный, но дискомфорт. Экономия... Бережливость и еще куча непонятных чувств заставляют нас идти вопреки себе. Через свой дух. Удобства не всегда дают эффект спокойствия души. Именно души! Которая нам и преподносит самые искренние моменты счастья и упоения ею!

Дождавшись угасания света, я сделал шаг.

– Включился!

Улыбаясь, как бы торжествуя над своим страхом, я прошел в кухню.

Еще еле доносившийся аромат приготовленного вчера гуляша, слабой ноткой и последними частицами улетучивался в форточку. Я жадно начал хватать их своим обонянием, понимая, что можно просто открыть холодильник и разогреть! Но силы любопытства в вопросе, кто же еще находится в квартире перебороли меня. Тем более, осталось не так много непроверенных помещений. Я задумался...

– В чем смысл этого поиска... Все равно это небольшое истязание отвлекает меня от самого главного, от обычных и привычных утренних дел.

Хотя если посмотреть с другой стороны, это такое увлекательное приключение для разума. И душа ликовала и праздновала.

Смирившись с нелепыми, но конструктивными мыслями, я поднес к глазам руку и закрыв их, я как бы перезагрузился на новые поиски.

Немного еще побыв в кухне, я все-таки решил двигаться дальше. Задумано, сделано!

И вот уже передвигая ноги у дверного проема спальни я понял, что подобная тишина в квартире может означать только одно, – все спят. И нет необходимости шуметь своими похождениями, и будить кого-либо.

– Неужели я настолько ушел в творчество, что мирская память меня покинула. И я не понимаю, кто мои родственники, и существуют ли они вообще. Нет, это не так. Есть, и их несколько.

Но к чему эти поиски и суета? Может за развитием пути своей мысли и души, я упустил понимание, какие у меня отношения со своими домочадцами?

Наконец сильный интерес к этому вопросу пересилил, и я зашел в комнату.

Приглушенная дымка темной спальни, невероятным шлейфом накрыла с ног до головы. Непонятным вихрем, энергия воспоминаний вошла напрямую в сознание, и выплеснулась сердечными переживаниями.

– Все ясно, почему... – Мысль пролетела мимолетно в моем сознании. – Это место дополнено семейным ложем. Здесь витает энергетика любви и секса, бурных эмоций и чувств.

Глаза медленно закрылись, и я почувствовал неутолимую радость, накопленную семейными ценностями.

– Теперь точно уверен, что не один, и у меня счастливая жизнь!

Осмотрев комнату, я незаметно для себя присел на большую и мягкую кровать. Быстрый, но осознанный поток информации, в виде воспоминаний, заполнил мой мир красками, о которых можно только прочитать в сказке.

Ободрившись подобными мыслями, я не спеша встал, и продолжил свой путь. И уже медленным и грациозным шагом, я направился к порогу новой комнаты.

Ей оказалась детская.

– Детская! Детская! – Протяжно, и так радостно произнес я вслух.

Через голову по кровеносным сосудам приятное чувство влюбленности пролетело прямо в сердце. Необыкновенным вихрем закружило там, и навсегда засело в глубине неведомой и таинственной сущности.

– Но почему о детях я подумал во множественном числе?

Небольшая личная пауза...

– Ураааа, – внезапно закричал я.

Восторженно раздался резонансом от стен мой возглас. Легкое помутнение в голове напоминало те чувства, которые я испытывал, когда первый раз влюблялся, первый раз что-либо познавал и осознавал. А связано оно было с ощущением грандиозной радости, ведь я мог с уверенностью сказать себе:

– У меня двое детей – девочка и мальчишка!

Не то, чтобы все это утро я испытывал амнезию, просто вчерашние события заставили меня плотно отключить разум, и уйти в безвременную яму. Именно поэтому, слово: «вчера» – является неопределенным и виртуальным. И именно «сегодня», подобно младенцу, я осваиваю навыки своей памяти. Причем вспоминая только приятное и хорошее моему восприятию. В этом и заключался секрет моего эксперимента с памятью. А если подумать о том, что я являюсь психоаналитиком, то тем более все складывается.

Неслышимый ветер сбил мои мысли и приземлил своим упорством. Я не торопясь подошел к форточке, и небольшим усилием прикрыл ее.

– Стало довольно душно. – Ухмыльнулся я. – Ведь в поисках памяти, я позакрывал все входы и выходы свежему воздуху, надеясь не выпустить наружу ее величество – память.

Странно! Я совсем не испытываю дискомфорт от остановившейся циркуляции воздуха. Легкие вбирают живительную энергию легко и непринужденно. Волна нового озарения проплыла ровным перекатом по всему телу. Оно явно давало понять, что эта легкость от моего спокойствия, как душевного, так и окружающей меня обстановки в квартире, в целом. А ощущения духоты – лишь мысленная привычка!

После некой паузы, до меня дошло. Я просто пришел к единству души и разума. Теперь не нужно приучать себя выходить из оболочки, – так я называю свое тело, в меру фантазии психолога, и следуя приемам психоанализа. И не нужно со стороны наблюдать, как сданное в аренду тело, занимается бытом. А я управляю им, якобы имея ответы на все вопросы, и анализирую все действия вокруг меня.

Для себя в голове я прокрутил открытый мир эзотерики, его принципы. И стал практиковать это учение на себе. А именно, там говорилось, что ко всему нужно подходить с отстраненностью, и необходимо проснуться от сна, некой матрицы, в которой находится большинство людей. Возможно, для психолога это показалось бы смешно. Но кто установил рамки познания, и всего сущего на земле? Именно потому, что я имею современный и независимый взгляд на все, что происходит во вселенной, я начал практиковать эти эзотерические догматы на себе.

Самое, что интересное, – они работают, и невероятно совершенствуют меня в повседневной жизни. Именно это учение вознесло меня до вершин добра и самых теплых чувств.

Странная и яркая вспышка...

Очнувшись, я ощупал все свое тело.

– Не сон, – пробормотал в некоем бреду я.

Единственное, что пришло мне в голову, после пробуждения: «Мария!»

– Кто это? – Спросил сам себя, – И почему все, что я помню, это вчерашний гуляш, некое количество своих родственников, детей, и принадлежность к этой квартире? Теперь еще и имена всплывают незнакомые.

Тут я увидел, что находился возле входной двери, которая просто кричала мне, что она выходная...

Вспышка...

Я увидел белый фон, который налез на темный, как при обмороке. И тут начался сон, а возможно обычное внутреннее кино из мыслей. Но настолько яркое и зрелищное, что очень захотелось наречь его сном.

Вдалеке стояли люди. И они не просто были людьми, а воплощали собой еще и чувства. Они махали руками, и печально опускали головы. А затем они начали удаляться.

– Люди – чувства, – пробормотал я в состоянии обморока.

Когда они приблизились к маленькой темной точке, она открылась, впустив ярчайший свет. Тогда я понял, что это была моя семья. А дверь, в которую они уходили – являлась выходом из квартиры, но выходом для меня. – Я уходил от семьи, и своих чувств, что являлось одним и тем же...

Свет...

Вспышка ярче света...

Мягкий свет...

Я лежал на полу и понимал, что мое видение прошло, и я остался один на один со своей амнезией и входной дверью, которая теперь точно являлась выходом.

ВЫХОД, ОН ЖЕ ВХОД.

Рука сама потянулась к двери.

– Возможно уже все решено! – Воскликнул внутренний голос. – И я прошел определенный путь для этого решения, а вернее сказать ДО этого решения, как до определенной ступени, в бесконечном множестве лестниц. Может быть мне что-то открылось, я ощутил этот свет, а теперь разумное забвение, ну как смакование пути в неведении.

Дверь немного приоткрылась.

– Сильно, – подумал я.

Резкая вспышка...

Сработал эффект обратной отмотки кадров из жизни. Информация бурным потоком затопила мой разум: Мария... Петр...

Начали всплывать имена, события, мироощущение. Память восстановлена. Но складывается некое непонятное состояние. Состояние стороннего наблюдателя. Словно я вижу себя, свое сердце, душу, разум, которые объединяют мое сознание – то, что сейчас есть я – наблюдатель. Я вижу свою семью, друзей, Вадима-ювелира, шамана – это все люди из прошлого мира.

– Прошлого... – Задумался я. – Значит дверь здесь не просто так символизирует сама себя, и дальнейший путь!

Вся картина, которую я видел – семью, себя, Марию – свою маму, была, как разрозненная когнитивно, – все люди и события были сами по себе, раздваивая себя до бесконечности, так и цельной – я знал, что это все и есть я!

Но особенно, самый сильный поток информации, шел от Марии. Будто бы она была самым мощным звеном, рядом стоящим со мной, как в клеевой структуре частиц.

– Она внутри меня, и что-то хочет мне передать, – сказал я вслух, – я сам себе что-то хочу передать. Какие-то дальнейшие инструкции – что мне делать, и куда двигаться.

Я понимал, что во мне находилось некое божественное, степенное и недвижимое. Но оно лукаво спряталось за мной, как за человеком, наделяя меня разными ролями. Как например, – я был Марией в прошлой жизни, в прошлом мире, и так далее... И теперь это божественное – мое Сознание (находящееся со знанием, как наблюдатель всего воспринимаемого), пыталось через мой опыт пройти очередной путь. Словно человек, для смены обстановки, переехал в другой город, и нашел другую работу.

Я открыл дверь...

Свет, невероятно яркий свет.

Когда глаза привыкли, тональность изменилась, и свет стал привычным. Я увидел за открытой дверью природные просторы, а не лестничную площадку.

Передо мной все плыло волнами. И это было настолько явным, что можно было заметить края от волн текучего пейзажа. Не было страшно, совсем. Даже наоборот, очень хотелось поскорей ворваться в эту неизвестность. Складывалось впечатление, что я действительно уже прошел определенный путь самопознания для того, чтобы бросить старый мир. А впереди... А впереди только построение нового. Да и этот мысленный очерк в квартире был подсознательным, как бы нечеткие вспышки привычного разума – мол, давай останемся, вдруг ты передумаешь идти дальше.

Вспышка...

Свет на этот раз не взрывал мозг, он приятно убаюкивал. Я уже знал – выработалась интуитивная связь, что за вспышкой пойдет какая-то информация. И точно! Возле двери стояла семья, друзья. Они протягивали руки. А когда я протянул свои в ответ, мы все по очереди обнялись. Потом все вместе. А затем и вовсе слились в одного меня. В этот момент ко мне пришло то знание, которое было дано мне с рождения, и лишь иногда покидало: я источник, я один! И все, что я могу воспринимать – это мой интерес жить. Открыл глаза, ум, рот, уши, сердце – появилось. Закрыл – исчезло.

Как только пришло это знание, я вновь расслоился на себя, своих друзей и семью. Они дружно улыбнулись, и с некой нежной заботой помахали мне рукой. А потом все вместе указали на дверь, но делая это, так мило, что очень хотелось подчиниться, не думая ни о чем.

– Мы всегда будем рядом! – Сказала Мария, мама из моей пока еще реальной жизни.

– Мы всегда будем в тебе! – Произнесли они одним голосом, похожим на мой, но в сторонней тональности, будто я слышал себя через экран телевизора.

– Создай то, что всегда хотел! Отбрось все якоря...

Свет сменился на интерьер прихожей. Прежнее видение восстановилось, хотя и находилось в неопределенном фокусе – за дверью-то была непривычная природа...

– Я не испытываю никаких чувств! – Сказал с интонацией оратора я сам себе, но вслух. – Вот, что так необходимо многим людям, а именно мне для того, чтобы сделать любой шаг. Любой! Хоть ногой, хоть разумом.

Так и было, я не ощущал привычных сомнений, связанных с чувственными качелями – туда-сюда. Во мне сидело лишь чистое намерение – желание, которое уже исполнено в любых вариантах из множества вечностей... – то, что сбылось и не сбылось одновременно, как баланс все-ничто.

И самое, что интересное – я знал все эти переживания, ведь они были моим настоящим! И мне не требовалось их обсуждать, обдумывать. Я просто-напросто знал.

Я подошел к двери, пейзаж за ней по-прежнему расходился волнами. И как только я встал ногами на порог, волны рассеялись. Наступил штиль реальности за дверью.

Я шагнул.

Свет, но уже слабенькой вспышкой...

Ведать, так мой разум бережливо относился к моему восприятию. Чтобы не было сильных ляпов – переходов от кадра к кадру. Действовал некий видео и звуковой редактор.

Действие стабилизации изображения мне понравилось. И то, как я вошел в эту природу. Я не осознавал, что она была непривычной – не такой, как на земле, хотя я еще не знал, где я вообще нахожусь. И эта неосознанность помогала мне спокойно даже дышать, при том, что носоглотка не работала в привычном режиме. Я не дышал, как принято в привычном мире.

Вокруг все пестрило красками.

– Я попал в 4К изображение, – ухмыльнулся я. На тот момент это было самое новое и крутое восприятие изображения для людей.

Этот мир и впрямь был чудесным. Нет, на первый взгляд, он не отличался ничем от привычного, земного. Вроде то же ощущение времени, такие же очертания, силуэты, запахи, звуки. Но в нем присутствовала какая-то новая загадка, совершенно незнакомая насыщенность. Все было более, и более чем...

Глядя на солнце, сразу было видно отличие – оно постоянно меняло форму, яркость и тональность. Вначале ярило взрывало своим дебютом, после первого взгляда на него, затем словно уходило на перерыв между сценами, а когда зритель забывал, насколько оно сногшибательно, яркий актер вновь выходил на подиум и взрывался новыми позами, и переливами своего грима. Такая картина напоминала восход и закат нашего солнца, но не в таких разных и ошеломительных количествах.

Небо также хитрило. Его и небом-то нельзя было назвать. Оно больше походило на натяжной зеркальный потолок с многоуровневой подсветкой. Причем, и у «солнца», и у «неба» была общность – грациозная синхронизация. Она выражалась тем, что они шедеврально исполняли свои сольные роли, но как только дело доходило до общей сцены, они тут же сливались воедино – становились одной сущностью. Будто разветвленная световая и музыкальная аппаратура на концерте, сработавшая в одном порыве в пик сольного взрыва.

Возможно, мозг еще слабо воспринимал такие перемены реальности, поэтому здесь присутствовало, и что-то похожее на облака – для дополненной картины. Некая туманная субстанция походила на куски рваной ваты, и при своей схожести с тучами, она имела отличительную черту – все эти отдельные рваные туманные куски были соединены друг с другом таким же туманом, но невидимым... Интуитивным.

– Я вижу то, что знаю подсознательно... – Прокомментировал я свои новые наблюдения.

После моих слов картинка тут же поменялась. Верх стал привычным, – как солнце, небо и облака, без иллюзорного воплощения.

– Может я сплю? – Спросил я вслух сам себя. – Или нахожусь в какой-нибудь пустыне, где разум подкидывает миражи?

Но пощупав тело сильными щипками, и протерев сто раз подряд глаза, не зная зачем, я вернулся к мысли, что все это происходит наяву, просто в новой реальности, к которой я так долго стремился. А ум – главный источник моего восприятия мира, так обучает меня общаться с новой реальностью. Именно поэтому, когда я начинаю обсуждать происходящее, забыв об обычном наблюдении, мозг возвращается к привычному, чтобы я не залезал в дебри фантазийного. – Где, в принципе, можно нечаянно оторваться и улететь...

Мне удалось остановить внутренний диалог, и вновь впитаться с жадностью в этот удивительный мир. Что уж точно было интереснее, чем заниматься привычным ворчанием внутри себя.

– О, чудо! – Воскликнул я, когда мир снова начал показывать свое волшебство, доверив себя моему восприятию. – Постараюсь следить за своими мыслями, которые уводят в глупую болтовню.

Я отпустил внутри себя все, что только меня держало... И фильм продолжился.

Странное небо, со своими друзьями – необычным солнцем и туманными облаками, немного заскучали. Они так хотели, чтобы их посетил кто-то еще, кроме меня, и на сцене тут же появился горизонт. Ну, вроде нашего, земного, в виде кромок деревьев, или пик гор, или последней видимой черты моря. Только этот горизонт не имел геометрии. Будто это видение более прокаченное, что-то большее, чем 4К – пока не изобретенное, но уже воспринимаемое неким фантазером – ученым. Как пятое измерение, которое существует в одном из вариантов вселенной, но его видит только осознанный, на это измерение глаз. Горизонт был настолько четким и пронизательным, что старый и замысленный взгляд притягивался к нему, как самый мощный из существующих магнитов.

– Фантазия природы поистине шедеврально! – Сказал я вслух.

– Это и есть ты, и твоя фантазия! – Прозвучал тут же голос из ниоткуда...

Я даже немного испугался. Но испуг был больше не эмоциональный, как у обычного смертного, а скорее всего логичный и вопросительный. – Меня уже было трудно таким пустяком удивить, после начала этого необычного путешествия.

– Я просто напоминаю тебе то, что ты упрямо забываешь! – Прозвучал вновь голос, но с более властной интонацией. – Ты уже познал через тысячи миллионов жизней, что ты и есть источник. И все, что ты видишь и не видишь, исходит от тебя. Наблюдай пока, если забыл, как создавать!

Необычно, но я очень хорошо понял эти слова. – Вдруг, я начал осознавать, что я осознаю, как бы это ни звучало парадоксально. Я мог наблюдать то, что из меня исходило – я видел свои фантазии, которые воплощались в новую реальность – в одну из них.

– Я сейчас одновременно изобретаю пятое измерение, – сказал я мысленно, – и тут же наблюдаю за ним... Это так ново и необычно.

Я аж руки потер от удовольствия. Что что, а вот земные привычки выражения чувства – пик наслаждения.

Новый мир сразу же понял, что я готов. Он показал мне, как малое может поглощать большое... – Горизонт необычайно мощного визуального разрешения слился с небом, солнцем и облаками, превратив их в такую же сочную картинку. Так же изнутри я знал, что это не оптическая игра – вся эта реальность была пронизана изнутри восприятием пятого измерения. Как же было приятно это осознавать, восторг был схож с радостью геймера, который прокачал своего героя мощнее остальных.

Теперь мой процессор был силен. И куда бы я не смотрел, везде было пятимерное восприятие. Теперь я понимал, как расширяется сознание и передвигается точка сборки. Точка, которая фокусирует внимание.

– Как замечательно, – общался я сам с собой, – что эта точка не имеет границ. И что подобных миров с разным восприятием можно создавать бесконечное множество раз и качеств.

Следом за верхом и серединой новой природы подтянулся и низ. Земля, – так я пока еще определял эту платформу, обрела изумительную четкость. Уж здесь-то было поле для творчества нового 5К. Текстуры сами собой позировали перед моим взглядом, словно они соревновались между собой в красоте, и в графической прокаченности. Каждый предмет, да хотя бы взять что-то похожее на камень, имел сильнейшую глубину для прочтения. Словно все здесь скрывало аннотацию к себе, внутри себя, причем, при обычном взгляде на все это разнообразие. Почва – твердь под ногами, заставляла мимолетный взгляд рассмотреть то, что было в самом источнике, да и еще с любого ракурса. – Все процессы, жизнь, образования, смерть. Конечно же здесь все было похоже на землю – малое было точнейшей копией большого, если проанализировать сравнения. Но при этом имелась странная новизна, которую все так ищут. Как путь...

На небольшой цветок прилетело насекомое. Я вначале не заметил, – восприятие уже привыкло к новшеству, но этот цветок также постоянно менял свой цвет, и не имел стебля.

– Это поразительно! – Восхищался я. – Но что это там еще?

Помимо странного цветка, который, честно говоря, не казался странным, был новый ляп этого мира – новое творчество природы, а точнее моего созидания, насекомое не имело крыльев, хотя оно именно прилетело на этот цветок.

– Это не мираж. – Утвердительно сказал я сам себе. – Я понимаю, что это все отличается от привычной земли, но я уверен, что это все реальность! Меня даже ни чуточку не беспокоит, что я к этому так спокойно отношусь. Значит ко мне пришла функция безэмоционального наблюдения. Хочется верить, что и источник здесь я, но это осознание еще далеко от меня.

Пока я вел уроки философии внутри себя, насекомое подлетело ко мне, будто услышав мои слова. Оно наглядно показывало, что нет никакого шлейфа в воздухе, от движущихся крыльев, крутившись в разных позах.

– Как приятно понимать, – продолжил я свое рассуждение, – что реальность многогранна. Везде полно множества вариантов событий – сущего. Насекомое, или что это, может иметь крылья, но махать ими слишком быстро для моего восприятия. А может не иметь их, в силу новых физических законов. А возможно, это мир без законов, совсем юный и беспечный, где все живет так, как наблюдается.

Я сделал паузу, задумавшись.

– Вот я рассуждаю, – продолжил я, – а эффект наблюдения начинает исчезать – что-то похожее на отпечатки, быстро движущихся крыльев появилось за телом насекомого.

Как только я понял ход своих мыслей, я перестал навязывать свое мнение и заткнулся... Насекомое вновь летало без каких-либо признаков на крылья.

– Чудесно! – Воскликнул я. – Буду осторожнее с грязной привычкой людей, навешивания ярлыков на мир, – привычных одежд.

К насекомому подлетело другое, затем еще, и вот их уже были сотни. Они тут же принялись общаться. Я это понял по тому, как они все радужно засверкали. Иногда говорило одно – сверкало, остальные находились в покое, а как оно заканчивало, все остальные, выслушав, начинали сверкать – отвечать своим согласием или недовольством. И именно в этот момент, первый переставал сверкать – выслушивая их мнение на его речь.

– Это так смотрится забавно, – подумал я, не выдавая других мыслей, чтобы не спугнуть эту грациозную картину.

Затем стало понятно, что они начали спорить. Появилась хаотичная светомузыка из насекомых. А когда эта дискотека букашек достигла своего пика, они тут же разлетелись. Причем я даже не заметил этого последнего процесса.

– Прикольно! – Смеялся я.

Я понял, что немного устал от этого зрелища, поэтому оно и исчезло. А вместо него появилось другое. Впереди от меня прыгал странный пушистый комок, что-то схожее с нашим зайчиком, но без конечностей и головы. Его текстуры имели очертания единого комка шерсти.

– Парадоксально! – Появился внутренний голос, наверное, он давал мне не обсуждать увиденное, чтобы просто наблюдать, не спугнув эту реальность. – Это точно заяц, но в новом видообразовании.

– Заяц. – сказал я, и пушистый комок тут же превратился в обычного зайца, причем серого и невзрачного.

Таким образом реальность щелкнула меня по носу, мол болтаешь, ну и болтай себе на здоровье в своем привычном болоте восприятия.

Я улыбнулся и снова попытался прийти к тишине.

– Да, мне еще нужно поучиться естественной медитации, – подумал я, – пока что я только концентрируюсь на банальном безмыслие. Как говорил один мой гуру: «Медитация – это есте-

ственный ход событий бытия – сущего, без отождествления с чем, или кем-либо. Медитация – это наблюдение»!

Эти внутренние слова самому себе успокоили меня. Я сразу же смог отвлечься и успокоиться.

И, о чудо! Комок шерсти появился вновь, сменив привычного зайца.

– Трансформация на лицо! – Сказал мой внутренний учитель мне. – Постарайся знать, что я это ты, но только не ты... Как бы это парадоксально не звучало. Отдай роль ворчуна «другому». Бог на то и Бог, что знает себя, как Бога, а не бога.

Я засмеялся, усмотрев со стороны свою болтовню – философию. Осознавая, что иногда лучше помолчать!

– Любовь! – Сказал внутренний голос, мой учитель. – Она везде любовь! И без слов!

Я так же услышал в этих словах, что пусть лучше иногда «другие» болтают, а мне можно и очарованно понаблюдать.

Комочек шерсти так обрадовался, что я принял его таким, какой он есть, что он тут же подпрыгнул ко мне, и из него пошел мощный поток приятной энергии. – Он дарил мне ответную любовь.

Все тело стало вибрировать от такой благодарности. Оно словно наполнилось новыми качествами, как у супергероя, который познал, что имеет суперспособности. Мне казалось, что и я начал видоизменяться, получив новое тело, ну или по крайней мере новый скафандр.

Долго бы продолжались эти экстатические тряски, но пришло очередное спокойствие, как внезапное просветление. Этот сравнительный юмор, и помог мне прекратить трясучку. Я вдруг решил опробовать движения в этом мире. Я не стал готовиться, думать, обсуждать, а сразу пошел. Затем я присел. Потом я упал, лежа пополз. И наконец прыгнул...

Я просто шел, сидел, лежал, а прыгнул вообще заурядно. Нет, я конечно же не рассчитывал взлететь, но хотя бы оторваться на пару минут от «земли» можно было...

Не знаю, что тогда переполняло меня, но явно это была самая мощная пустота, из всех, которые только бывают. В общем, я был полностью опустошен такой не переменчивой переменной.

– Пойду просто прогуляюсь. – Сказал сам себе, не желая думать о произошедшем.

Дорога оказалась очень приятной. Ноги ступали легко, тело наполнялось энергией, словно я был накопителем, а «земля» источником. По дороге я не думал, не имел привычки осуждать, мне просто было изумительно осуществлять прогулку. В некоторых местах приходилось обходить препятствия, и я это делал очень незаметно для себя. Когда встречались выступы или огромные корни деревьев, которые здесь кстати были более могущественными – (их, наверное, никто и не думал спиливать, и они жили свою обычную жизнь), я легко перепрыгивал все это. Не причитая или хрустя суставами, а перепрыгивая, да и ого-го с какой легкостью. В одном даже месте, где образовался сильный шум, я, не испытывая «привычного» страха, по привычке, ринулся прочь. Это походило на ускоренный бег, но с некой возвышенной легкостью, на которую не затрачивалась энергия.

В какой-то момент я остановился, и все-таки мой ум заговорил. Он поведал мне, что больше нет смысла утаивать такие очевидные несоответствия. Мол, мне все давалось намного легче и веселее, чем в привычном мире, и я за это никак не расплачивался, не эмоционально, не физически, да вообще никак.

– Мне так не хочется с тобой это обсуждать, – произнес я мысленно, обращаясь к тому внутри меня, кто решил заняться болтовней, – но чувствую, что на этот раз ты не заткнешься, как не концентрируйся на тишину. Хотя мне так нравится эта легкость, тишина и спокойствие – непринужденный путь. Ладно! Так и быть – я признаю, что движения в этом мире намного колоссальные, чем в привычном. И они осуществляются, как у начинающего супергероя. Как бы в обучающем процессе.

Я понимал, что все это происходило из-за того, что я не обсуждал, именно эти процессы движения – я просто-напросто осуществлял шаги новорожденного, без подсказок взрослых, мол, как они должны осуществляться, и по каким законам. Но этот неутолимый мозг меня донимал, и я решил поддаться. Я решил посплетничать.

– Да, да! – Воскликнул я сам себе, как сумасшедший, но при этом очень счастливый сумасшедший. – Я согласен! Этот мир таит в себе много загадок. И одна из них разгадана прямо сейчас – я могу двигаться так, как этого захочу.

Я замолчал.

– Главное, – продолжил я, – теперь не сомневаться в этом, и не вспоминать, то, что может быть.

Я так завуалированно говорил, потому что боялся спугнуть сверхъестественные силы во мне. Я не хотел вновь просто ходить, просто прыгать, просто бегать, лежать и сидеть. Я даже несколько раз стукнул себя по губам, ну, так, чисто символически, чтобы оставить это таинство нетронутым своим умом.

– Странный ты человек! – Прозвучал внутренний голос, который уже не отождествлялся со мной в настоящем времени, голос моего учителя. – Ты избегаешь того, что сам же и производишь. Кто будет виной, если ты сам не сможешь здесь по-особому двигаться. Только не говори, что твой заоблачный ум, или вспышки из прошлого, или чьи-то учения. Ведь ты осознаешь, что все это ты...

Я скривил такую странную гримасу, словно мне необходимо было выступить на публике. И сейчас я проигрывал роль человека, который реалистично разговаривал сам с собой, считая свои личности, отдельно живущими соседями.

Повисла небольшая пауза. А затем я расхохотался...

А что мне еще оставалось делать, либо я сходил с ума, либо я попал в свою личную сказку. И без смеха, в этой сказке, тоже бы сошел с ума.

Меня долго еще веселили подобные мысли, которые прервались сильным толчком. Вначале мне показалось, что это меня толкнули. Но осмотревшись, я понял, что это именно я оттолкнулся от поверхности. В момент, когда я успокоился, и принял эту реальность, внеся в нее юмор, я без труда смог совершить, поистине супергеройский прыжок.

Подножье сотрясало в круговой волне, которая расходилась множеством колец от эпицентра моего точка. Это было также красиво, как расхождение волн на гладе воды. Наверное, я сумел бросить свой камень истины в гладь разума...

Воздух, или здешняя атмосфера – я еще этого не понял, так как не было времени обратить внимание на свое дыхание, тоже взорвался волновой рябью. Будто энергия сущего решила здесь поселиться. Это было настолько явно, что даже мои глаза могли воспринимать эти движения.

– Вот это здорово! – Кричал я.

Не знаю, сколько это все продолжалось, и был ли это просто прыжок, или прыжок в глубину мироздания, а может быть и вовсе полет, но состояние приземления наступило мгновенно. Также, как любовь является любовью.

«Земля» приняла меня мягкой подушкой. Это ощущалось нежностью в ногах. Каждый палец тонул в подошве, а затем и в здешней «почве». На миг я прочувствовал всю структуру здешней тверди, ну, и конечно же ее податливое размягчение.

– Что это было? – Спросил, то ли я, то ли внутренний голос, а может и вообще сторонняя сущность. Я этого не разбирал, так как находился в диком оцепенении от восторга.

Новый мир словно растворился, оставив меня и белый экран – меня и безмыслие. Так было приятно на сердце! Эта радость стоила тысячи всех остальных радостей. Такой восторг мог испытывать только искренний ребенок, который делает что-то в первый раз.

Белый экран стал для меня ласковым вакуумом, где не было места болтовне. Я страстно созерцал это белое пространство, и через него я видел все миры, которые только могли существовать, и конечно же нет...

– В такой миг вечности понимаешь, – сказал я сам себе, – что все исходит из себя самого. И не важно, отказываешься ты от этого, или приобретаешь, ты все равно вернешься в самого себя!

Окутанный тайной и впечатлениями, я присел. Нет, в этом не было необходимости – усталости или интереса, я просто сделал механическое движение. И сделал это не зря.

Из белого экрана я погрузился в темный, как в сырую землю. Сырость не ощущалась, это было привычное сравнение для моего мозга. Когда я полностью был поглощен темнотой, я осознал – это перемена пути. Из белого в черное, из черного в белое. И здесь, эта перемена раскрывала свою истинную природу – она не отождествлялась с сыростью, или вакуумом, как я вначале думал. Она просто-напросто существовала в своем вечно переменчивом состоянии.

Был еще один нюанс! В переходах, между темным и белым, я проваливался на неопределенное время, чувствуя себя сущим.

– Скорее всего, – думал я, – это было великое ничто, которое образовывало все... Рукотворное сознание, между до и ре, музыкального произведения.

Мне так хотелось в нем остаться подольше. Оно притягивало так мощно, что не отпускало. Наверное, я подсознательно выпрыгивал из него. Как парадокс человечества: желание обрести покой, при ужасной боязни попасть в вечную пустоту.

Совсем немного, и я вновь очутился на поверхности. Мир опять принял свои привычные черты.

Ого! – Воскликнул я! – Я уже привык к этому миру, не ко всему, что здесь есть, но я наглядно спокоен к его сказочности. Вот бы подарить людям это ощущение новизны, и осознание, что все становится привычным. И только мы сами можем созидать новое!

– Люди, и есть – ты, – сказал внутренний голос, – зачем кому-то что-то объяснять?

– Вот ты такой мудрый, – ответил я себе – учителю, – но не хочешь понять главного: мы забываем себя, как первоисточник, чтобы через других познать новое.

– Так я и забыл сейчас эту истину, чтобы познать вновь ее через тебя! – С воображаемой улыбкой ответил внутренний голос.

Мы оба расхохотались, зная, что пытаемся карабкаться по горе просветления – ученика и учителя. Вначале, этот смех раздавался эхом, потом начал уходить в унисон, а затем и вовсе растворился в моем собственном хохоте.

Но, честно говоря, – я посмеялся от души!

Я пробыл в таком очаровательном состоянии души целую вечность. Я не замечал уже своих мыслей по поводу того, что это, реальность или фантазия, а может быть сновидение. Я носился по здешним краям, как мальчишка, которого выпустили наконец на улицу погулять после долгого заточения, из-за наказания. Я впитывал абсолютно все, виды, запахи, все, все, любое восприятие. Мне невероятно было приятно бегать босиком по нежному ковру, напоминающему нашу обычную траву. Причем на нем лежала роса, или что-то гладко-сырое. Я скользил по этому катку с такой радостью, что уже и не хотелось совершать сверхчеловеческие движения. В сердце таилось только одно желание – наслаждаться этим.

Мои веселые пробежки сопровождались объятиями к этому миру. Я широко расставил руки, и на бегу, касался кончиками пальцев любой поверхности, что встречалась мне. Как только я думал о солнце, тут же яркий свет сверху озарял мой сказочный путь. Стоило мне вспомнить просторы земли, и я сразу же проваливался в необъятную ширь здешних «полей». Хотелось забав, и тут же появлялись некие лужи, только более праздные, – они словно были наполнены сладкой газировкой, приятно щекочущей ступни ног. Я весело шлепал по лужам, и напевал при этом, давно забытые мотивы из детства.

А что там были за ароматы! М-м-м... Это настоящий взрыв мозга! Они настолько гармонично перемешивались, что из них складывалась целая симфония. Приятные накладывались на более утонченные. Те, в свою очередь, переплетались с возвышенными и редкими. А сколько здесь было незнакомых ароматов... И представить себе нельзя. В какие-то моменты я даже закрывал глаза и отпускал тело прочь. Разум тут же погружался в экстаз. Возбуждение вибрировало по всему телу. И такого неприятного состояния, я не испытывал никогда прежде.

Новый мир действительно являлся новым!

Так бы все и продолжалось, может быть я бы и провалился в это чудо с головой. Но... Было одно «Но». Я устал. Не физически, не морально, как это бывает обычно. Я почувствовал напрямую, как устал мой разум. В этом мире не нужны были посредники – тело, чувства, события, чтобы понять, именно ум выдает определенное состояние.

Впечатления настолько переполнили меня, что я стал расплескивать их в обратную сторону – на понижение интереса. А соответственно я устал все это поглощать.

Свет...

Такая яркая вспышка, будто меня вытолкнули от куда-то, и ослепили специально, чтобы я не нашел дорогу обратно.

Я оказался на полу в своей квартире, рядом с входной дверью. Которую я теперь точно лицезрел, как выходную... Она взяла, просто-напросто, и вытолкнула меня обратно в свою прежнюю реальность.

– Ага! – Воскликнул внутренний голос. – Как и всегда, ты переел впечатлений. Насытился! И опять не усмотрел внутренний баланс. Ту точку, где наступает желание все возненавидеть, из-за привычности и замыленности.

– Отстань! – Прокричал я сам себе, как умалишенный.

Я и так не могу прийти в себя. А тут ты еще со своими нравоучениями. Не видишь, я стараюсь научиться жить по-новому. Пусть не получилось с первого раза. Ну и что?

– Прийти в себя... – Хихикнул учитель. – Вот именно... Прийти в себя!

Меня словно пронзила эта мысль, открыв все секреты просветления!

– Я понял тебя! – Сказал я сам себе. – Зачем куда-либо уходить, или приходить, когда я и есть я!

На душе стало легко и свободно. Захотелось петь. Я вновь осознавал, что мой путь всегда находится только во мне самом.

Взглянув на дверь, я увидел, что она стала размываться, как нечеткий фрагмент фотошопа. Пол, квартира, дверь, они исчезли. Исчезли также, как пропала безысходность и все вопросы. Я вновь очутился в новом мире!

СОЗИДАНИЕ.

После последнего ляпа с реальностью прошло неопределенное количество времени. Почему прошло, да потому, что в новом мире его просто-напросто не существовало. Я даже не понимал, что я конкретно делаю, чем занимаюсь, как обосновываюсь в новой реальности. Я всего лишь наслаждался жизнью.

Здесь все встречалось, как и в прежнем мире – похожим, знакомым. Как память, которая всегда соседствует с чем-то близким. Но что примечательно, это знакомое тут же трансформировалось, и превращалось в свежее и познаваемое.

Я узнавал новые запахи, новые виды. Мне по-новому двигалось и существовалось – быт был простым, свободным, но до безумия интересным.

И конечно же, моя новая сверхспособность к наблюдательности говорила мне, что именно я создавал всю эту новизну. Теперь я знал, – я создаю этот мир. И меня не волновало,

кто же все-таки построил фундамент для моего мира, Мария, или другие личности, живущие во мне... Я ощущал себя полноценным источником всего, что я только мог воспринимать.

– О чудо! – Говорил я сам себе. – Как приятно быть и создателем, и созданием одновременно, чувствуя это со всех мыслимых и немыслимых углов.

Я постоянно вспоминал уроки прежней жизни, где все начиналось с первого шага. Без которого ничего не осуществится. Я знал, что мне необходимо будет закрывать пустоты. – Ту чистую божественную часть, которая называется чистым листом. Ведь я хотел построить новый мир. Пусть он потом будет привычным, или уже является таким в одном из вариантов сущего. Неважно! Главное для меня было – движение. И я очень хотел двигаться.

– Так, что я обычно делал? – Спрашивал я себя, на своих же лекциях по созданию мира. – Что я обычно делал в момент роста на земле? Какие шаги я предпринимал для обретения чего-либо.

Потом я задумывался.

– Правильно! – Отвечал, как учитель ученику. – Я всегда делал первый шаг, а потом погружался в освоение материала, проходя все ступени структуры. Если я хотел по-настоящему наслаждаться жареным картофелем, то я проходил все этапы его зарождения, и конечно же все нюансы смакования...

Подобные странные речи очень помогали мне. Видимо я пришел к подобному состоянию, через сильный внутренний стресс. Ведь любое просветление, озарение – это некая вспышка после бурного прохождения пика, от начала до конца. Как пустое пространство между смертью и рождением...

Мое нынешнее одиночество, и потребность создать новый мир, явно следовали за перенасыщением прежней жизни. Я знал, что в этом не было ничего плохого. Любой путь, его преграды, удачи и фиаско – являлись сутью движения. А как говорить, движение – есть жизнь! И уж явно, если она дана, значит нужно жить. А не купаться в безысходности, и приходить в один и тот же привычный мир бесконечное множество раз, отождествляя себя только с мячиком, который скачет от рая до ада.

– Пора фантазировать! – Решительно говорил я сам себе в моменты, когда что-то новое становилось обыденным.

Хорошо, что я откладывал постоянно мысль, что все эти перемены с созиданием миров, с обретением нового, могли ускориться, показав осознанно, что все уже существующее и несуществующее свершилось. Теперь я придерживался только одной мысли – все еще впереди!

– В конце концов! – говорил я. – Картина никогда не будет написана, если каждый, кто когда-либо существовал скажет: «Это все уже есть. Зачем мне это создавать?»

Потом я зависал на несколько секунд для юмора.

– Да и этого ворчуна, из множества когда-либо существовавших, – продолжал я, – никто бы и никогда бы не нарисовал...

Потом я громко смеялся, будто бы меня кто-то слышал, и вновь уходил в фантазии, на тему: «Созидание!»

Сейчас, пройдя один из множества путей, я осознаю! Не думая тогда так, я бы никогда не написал эту книгу, и никогда бы не поведал вам, как я создал ваш, а точнее сказать – свой мир!

Как было интересно созидать, думая, что с нуля. Это придавало такой божественной силы. Она-то и раскрывала, что все исходило изнутри, без витиеватых и путаных дум, что есть кто-то, кто меня создал. Теперь я сам созидал себя и свой мир.

От слов, я наконец перешел к делу. Мне надоело прыгать и любоваться своими впечатлениями. Захотелось создать что-нибудь, или кого-нибудь, кто станет также восхищаться, ну, хотя бы собой.

Я не стал сразу вдаваться в сложности, изобретая искусственный интеллект.

– Как будто бы он бывает искусственным! – Думал я иронично, рассматривая вопрос созидания.

Мне захотелось сделать что-то знакомое, но с оттенками необычного. Просторы, пространство уже имелось, пора было сотворить отличное. Я присел и расслабился. В ответ на мою смешную медитацию рядом появилась лужа грязи, ну или может быть шоколада. Смотря, с какого угла на эту лужу взглянуть.

– Все со мной ясно! – Смеялся я сам с себя.

Я, то шутил, то хохотал в ответ, но мой внутренний учитель почему-то оставался серьезным. И совсем не поддерживал моего легкого озорства.

– По-моему, – шептал я про себя, чтобы меня не услышал этот скряга, – этот учитель и в привычном мире всегда следил за степенью неудовлетворенности. Вечно он пытается найти истину, где можно просто обойтись юмором.

В этот момент меня словно молотком по голове ударило. Будто верх поменялся с низом. Мысль о том, что я могу путаться, кто конкретно в этот миг является учителем, – я шутник, или я серьезный созидатель, перевернула мое сознание. И чтобы окончательно не запутаться в себе, я постарался прекратить эту болтовню, и с легкостью смог отвлечься на новом занятии.

Конечно же сейчас это все выглядит, как нелепая шутка, в которой нет смысла вообще. Но так я могу думать с сегодняшним сознанием, где твердь стала размытой, а вода обрела неподвижную структуру. Но в тот момент подобные мысли заставляли мой мозг вращаться в центрифуге на немыслимой скорости.

Я подошел к своему шедевру. Лужа оказалась даже ничего себе так... Вблизи она красовалась своими очертаниями. Они не воплощали грязь. При более близком «контакте» лужа превратилась в озеро. Если можно так выразиться. Я начал в него вглядываться, и оно меня поглотило. И совсем не так, как, когда смотришь на известную воду или огонь. В этом случае меня просто-напросто втащило в сущность этого озера. Наверное, мое видение стало прямо пропорциональным взгляду насекомого. Масса, а это по-другому и не назовешь, была вязкой и желеобразной.

– Ну и озеро, – посмеивался я, – странное. Точно лужа...

Я попытался дотронуться до нелепой воды, и она тут же ожила. Стала такой прозрачной, что казалась самой утонченной и нежной на всем белом свете.

– Какая приятная! – Восторгался я. – Но по-прежнему не похожа на воду. Больше, наверное, на святую влагу.

Вдруг я опять получил оплеуху от внутреннего учителя. И тут до меня дошло. Именно не он серьезный ворчун, а я, со своими шуточками. Я никак не мог отпустить свое вездесущее обсуждение. Превращая новое творение во что-то знакомое.

– Банально! – Произнес я, как гламурная девушка.

Эти мысли помогли мне отпустить свою зацикленность в прежнем мире. И вуаля, озеро превратилось в озеро. Только теперь оно не отождествлялось не с водой, не с грязью. Оно сверкало и переливалось в лучах внутреннего света. От него веяло теплом и заботой. Изнутри приходили необычные узоры, дополненные какой-то сказочной информацией, разглаживали, и без того очень ласковую и гладкую структуру, и уходили в самые недра озера. Мне даже не хотелось искать новое имя этому волшебству.

– Это любовь в чистом виде! – Подумал я.

За озером последовала идея отдохнуть в горизонтальном положении. Что-то вроде песка пришло на ум.

Очередная попытка естественной медитации, и передо мной распростерлась мягкая золотистая поверхность, огибающая волшебное «озеро». Нескончаемо нетерпеливо захотелось

прикоснуться к «песку». Он настолько притягивал своим блеском, что момент прохождения пути до него я не заметил. Легкое помутнение, и я уже медленными движениями ласкал зыбучую поверхность.

Зыбучая, это только было мое нелепое сравнение. На самом же деле «берег» воспринимался, как разлитая манная каша возле густой лужи киселя. Да еще, и перемешанная с золотыми солнечными зайчиками.

– И откуда только берутся эти великолепные сравнения? – Спрашивал я сам себя, слыша мысли описания этого «пляжа».

Песок-каша, как и вся почва этого мира, при полном погружении в нее руки, раскрывала свою структуру. Рука становилась пробником, подключенным к аналитической программе. И здесь удивляло то, что все было разным. Абсолютно разным.

Возможно, это бросалось в глаза из-за того, что в привычном мире я попал в лапы колеса сансары. Того учения, что исходило из круговорота трехмерного мира. Нет, я не отрицал, что от «всего» до «ничего» лишь вакуумное пространство всех возможных и невозможных событий... Но, здесь, это стиралось напрочь. Как в момент предвкушения определенной пищи, хотя ее уже когда-то ел.

– Мне нравится, – подбадривал внутренний учитель внутреннего ученика, – Ты хоть начинаешь отходить от своей идеи фикс, что все старо, как мир, как мир не ново.

– Наверное не отходить! – Отвечал ученик учителю. – А скорее всего, приходится к состоянию созидания. – Чтобы не происходило, сон или смерть, но всегда есть бодрствование и рождение.

Немного поиграв в бесконечную философию, я тут же от нее отвык, как и в случае с «песком». Я распознал его притягательную новизну, понял, как он постоянно меняется в ощущениях для меня, и вынул руку. Мне захотелось смешать эти ощущения.

Я подошел к границе, между «озером» и «песком», и соединив ладони, зачерпнул эти две смеси в одну массу.

–Ого! – Восторженно крикнул я.

Эмоция была автоматической, но не мертвой. Я испытал чувства, которые можно сравнить только с приближающимися к любви. Как петтинг, только непонятный и неизученный.

Густота и зыбучесть превратились в пожирающий огонь. Пламя жгло так сильно, что хотелось сбросить эту адскую массу. Но подержав еще немного, стало понятно, это очередное испытание для новых впечатлений. В этом мире чувства оставались чувствами, но с иным осознанием их принадлежности. Здесь я не только учился созидать, но и мог проследивать, как создавал и другие миры...

– Мда! – Тихо, но с восклицанием говорил я. – Это такое наваждение, знать, что ты обычный человек, но в то же время создатель! Как бы не раствориться в этом знании, и окончательно не уйти в свет.

– Не переживай! – Тут же успокаивал учитель. – Все вершиться постепенно, даже завершённое ускорение. В момент понимания себя светом, ты не будешь печалиться, что уже не человек. Всегда есть осознание, что ты все и ничего одновременно.

– Это такой витиеватый закон мироздания? – Вопросил во мне ученик. – Как палка о двух концах?

– Конечно! – Нежно и рассудительно продолжал учитель. – И все для того, чтобы не было тупика. Как выход и вход, без границ этого понимания.

Я немножко взорвался от этих мыслей. Хорошо, что на помощь пришла старая и проверенная истина: «Внутренняя тишина». Я не знал точно, но мне являлись картинки в виде Марии, прохождение ею пути самопознания. Все чаще и чаще это всплывало в моем подсознании. – Я – мама, она есть – я, путь... Тишина...

Как ни крути, но это помогло. Болтовня ушла. Палка с ее чертовыми концами тоже. И вслед за ними вся философия. Я смог спокойно посидеть на «берегу», и теперь он мне чудился – берегом! Обычным, привычным и таким, успокаивающе родным.

Тут же пошли картинки из прошлых жизней. Но они не нагружали меня смыслом. Я просто видел любовь и уют. Отношения и страсть. Заботу и перспективу стать самым нужным и хорошим. Эти кадры не включали в себя принцип «хорошо-плохо», они существовали просто так. И это мило обволакивало своей простотой.

Под это мироощущение пришла благодать. «Мир» стал миром. Послышались шуршащие волны озера, приглушенный ветерок, незаметный шелест пересыпающегося песка. Во мне бурлила спокойная безмятежность, как бы это не звучало парадоксально.

Я тихонько прилег на золотистый и теплый песок, опустив кончики пальцев руки в озеро. Здесь, «вдали» от обыденного, привычное стало новым и безумно желанным.

– Страсть! – Говорил я сам себе! – Страсть и любовь!

Я отключился...

– Как хорошо, что в этом мире нет распорядка дня, – думал я перед тем, как отключиться. – ну, по крайней мере, хотя бы, его пока нет.

Отключка походила на привычный сон, с его погружением, сновидением и пробуждением. Было только одно маленькое отличие – я проходил все эти этапы в буквальном смысле этого слова, осознавая, как прохождение таможенного контроля. Это являлось необычным, но в тоже время суперским состоянием.

Вообще, я так понял, новая реальность давала безграничные возможности. Здесь можно было обучаться, а потом создавать. Или сначала создавать, а затем пролистывать все этапы становления.

Конечно же случались мимолетные провалы в памяти, и забывалось, что здесь я создатель, превращаясь только в создание. И наоборот. Но так было даже лучше. Я воочию мог наблюдать за силой мгновенного намерения. – Отслеживать все свои роли, как независимо, так и в абсолютной гармонии.

В этот раз мне приснился дом. Его очертания. Летний дворик. Знакомые запахи. Милые и родные люди. Я увидел тот дом, о котором все мечтают. Тот уголок счастья, что купается в безмятежности безмыслия, но самого мощного уюта. На окошках стояли цветы, распустившиеся на встречу лету. Их цветение раскрывалось яркими и дополненными цветами. Крыша дома имела винтажную кровлю. Она была похожа на фальцованные, что странно, бронзовые листы, с многочисленными потертостями до блеска. В этих зеркальных местах отражалось светило. Солнцем я бы его не назвал, потому что источник света в этом мире еще не был определен. И складывалось впечатление, что небо усыпано множеством звезд, которые давали эффект двух солнц днем. И вот, когда «солнце» отражалось в потертостях, они словно нагревались, искажая белый свет на красный. Еще был какой-то визуальный обман – будто над листьями бронзы висели невидимые зеркала, потому что между кровлей и этими невидимыми зеркалами существовала толща более яркого света, словно мир хаотичных солнечных зайчиков. Смотрелось это чудо, как снежная шапка на крыше дома в новогодний период. Именно Новогодний, – настроение соответствовало. Во дворе бегал щенок шалопай. Его уши непослушно волочились по земле, цепляясь за разные предметы. Это сбивало его с ног, и он весело начинал кувыркаться. После чего, вставал, и переключался на свой хвост, бегая за ним по кругу. За всем этим наблюдал старый и ленивый кот. Он даже наблюдал с неохотой, открывая на пару миллиметров один глаз. Хотя, когда у щенка получалось схватить не хвост, а шерсть от своего длинного уха, кот начинал крутить хвостом, и открывал глаз полностью. Это напоминало засыпающего болевщика во время самого скучного в истории матча, при хоть какой-то возможности действия на поле.

Сон был невероятно теплым. И только ощутив сполна эту теплоту, я понял. Нет, вернее, я осознал – причем, во сне, что это просто дом. Тот, который является одним из бесконечности вариантов. Сон подарил мне ощущения того, что уют и тепло – это внутренние переживания.

Когда открылись мои глаза, я немного опешил. На секунду я понял, что я не засыпал, хотя закрывание и открывание глаз осознавал. Мне даже показалось, что я просто моргнул, и здешний мир показал мне мимолетное счастье.

Немного запутавшись, я присел. Иногда восприятие перебарщивало, давая напомнить, что я немножечко человек. И как бы не скакал по реальностям, но должен усвоить одно правило – отпустить... Забывать, хотя бы на миг то, что заставляет много думать, улавливая истину.

Немного успокоив свои мысли, отличное состояние возобновилось. Я опять стал невозмутимо чарующим существом. Вслед за этим, последовал бонус. Дом, который я видел, якобы во сне, проявился в реальности здешнего мира. Я даже смог подойти к нему, не имея и капли сомнения. А когда я зашел в приоткрытую дверь, то чувство хозяина обволокло меня с ног до головы.

– Я вновь создаю свой мир! – Радостно прокомментировал я свои ощущения.

Внутри повторилось навивание родного тепла и уюта. Я чувствовал, как приятно находиться на островке знакомого, среди океана нового и неопределенного. Что, в принципе, раскрывало работу разума. – Осторожного системного парня.

Недолго думая, я прошелся по всему дому, и только при близком знакомстве, я осознал, что и дом наполнен волшебством. Реальность этого уюта также была наводнена магическими штуками. Некоторое убранство меняло свою структуру, форму прямо на глазах, как и свет, что освещал комнаты. Мебель иногда имела привычные формы, а иногда расплывалась в очертания, вновь созданного «песочного пляжа». Будто мои глаза наблюдали мираж.

– Но, как ни странно, – говорил я сам с собой. – Я уже начинаю привыкать к меняющемуся уюту. Теперь я испытываю его и в новом, и в знакомом. Это приятно!

– Да, да... – Ворчал учитель внутри меня. – Как только произойдет что-то необычное, посмотрим, как ты себя будешь держать в контроле.

– Я с тобой не разговариваю, – отвечал я, хотя мог и не отвечать, – мне больше нравилось, когда ты выполнял роль просветленного учителя. А сейчас ты какой-то учитель трудов. Со своими устаревшими взглядами на жизнь. Как системщик, который не видит, что он издает законы, будучи заключенным.

– Прикольное сравнение! – Ответил учитель! – Но не забывай, я тот, кого ты воспринимаешь. И наш диалог, это твоя нынешняя реальность.

Он прав, думал я, переставая с ним общаться. Начиная просто созерцать.

Дом растворился также, как и появился. Но я точно знал, что это был не мираж. Невозможно сейчас объяснить простому обывателю с системными мозгами, что это было... Но это было, и точка.

Новый мир открыл еще больше свои объятия. Я специально немножко лукавил себе, что не я создатель, создавая. И это было оправдано. Мне еще было трудно привыкнуть к тотальному одиночеству бога. Не в мелочности, ведь создав кого-то, ты уже не одинок. Я говорю про абсолют. Про осознание первоисточника, от самого чистого, прозрачного, и не существующего листа. И понимайте это, как хотите. Внутреннее состояние, переживание необходимо постичь, не ища определений.

Вот именно поэтому, я подразумеваю под объятиями маленькую хитрость. – Не общими, двусторонними – всеобъемлющими, к чему стремиться душа, а объятия от мира, как отношения отца – его, и сына – меня. Ну, уж так хотелось заботы и ласки в своем сильном я, что даже не передать, как иногда хочется послать в одно место мысль, что я вас всех создал...

Мир не только раскрыл свои объятия, он еще и сделал это так нежно, как делает это мама во время первого приноса новорожденного после родов. Руки мира пахли сандаловым маслом, лаской женской кожи и материнским молоком. На мгновение, даже, послышался поцелуй, причем по-родительски в щечку, это ощущалось определенной вибрацией звуков. В момент этой заботы, восприятие сильно обострилось, и у меня появилась новая сверхспособность. Я видел, слышал, и воспринимал ароматы так, как этого до меня еще никто не делал.

Весь вопрос заключался не в банальном желании почувствовать себя лучше, выше и сильнее, на арене появился главный персонаж – разум, который не только принимает, но и дает любить. Любить просто так!

В какой-то момент у меня произошел небольшой сбой, но очень приятный. Также, как я мог проследивать свои личности – прошлые (настоящие, если без времени) жизни, где я являлся не только собой, Марией, но и всеми теми, кто – есть сущее, также и здесь, я менялся вместе с миром, объединяясь в одно целое. То мир был мной, то моей мамой, отцом, женой, детьми, а то растворялся... Причем, иногда я не мог проследить, кто, и в ком растворяется.

Вкусное на впечатления переодевание так меня поглотило, что я снова отключился.

– Это, наверное, такой способ перезагрузиться. – Думал я, после пробуждений. – Как сон, для стирания «однотипных программ» – повторяющихся. И я не зря так думал, ведь мой внутренний учитель молчал в это время. А когда он молчит, значит идет полное наше совместное приятие! Если кто не понял, я расшифрую – это и есть – медитация, наблюдение – жизнь в балансе!

После пробуждения я решил продолжить свое творчество. Мне настолько это понравилось, что я невольно думал, как это я так раньше занимался тем, что мне просто-напросто приходилось делать, а не хотелось. Сейчас я мог проследивать, как намерение исходило из желания (из тотального интереса).

Помимо «пляжа» появились «горы». Можно сказать, что обычный глаз и не заметил бы, как это произошло. Оно случилось так молниеносно, что даже свет не успел отразиться от тени. Хотя я контролировал весь процесс создания осознанно. Эти великаны не походили буквально на привычные возвышения, хотя очертаниями – да. Они больше смотрелись, как пирамиды, как что-то ровное, но неповторимо природное. Да, да... Именно такое вот сравнение. А как вы думали, проходя дальше по книге моего мира, вы вообще забудете, что такое реальность.

«Горы» разговаривали. Этим они были похожи на гигантские деревья, которые колышет ветер, а они нехотя скрипят, как бы ворчат от нарушения покоя. Иногда я немного шутил, и мысленно прикреплял к ним что-то похожее на ветки. Смотрелось забавно. Пирамиды-деревья, да еще и по-стариковски ворчащие.

Гиганты дышали глубоко и очень осознанно. Каждый их вздох выражал очищение мира. А каждый выдох представлял из себя дар этому миру. Не судите строго, в этом мире я был еще очень молодым создателем, поэтому заимствовал земной круговорот. Хотя кого я обманываю. Откуда вы знаете, кто создал землю... Может быть...

Мне очень нравились эти изящные пирамиды. Смешение творений напоминал мне вопрос генной инженерии, которого так боятся люди, хотя сами и не знают, что они просто продукт того, что можно осмыслить.

Горы оценили этот тонкий юмор, и мы вместе посмеялись над этим сравнением.

Затем мой взгляд переключился на пустоту у подножья пирамид.

– «Горы» должны иметь корни, – думал я.

Все пустое пространство тут же заполнилось «растительностью». Только это были непривычные деревья, кустарники и трава. Основа походила на, то длинные, то короткие атласные ленточки, разных цветов и форм. При более приближенном фокусировании здешняя зелень начинала приобретать более знакомые очертания, типа листьев и ответвлений. Но все равно,

«растения» этого мира растворялись в общей необычной структуре. Поэтому, они больше походили на пиксельное образование какой-то игры.

Как только я что-то подумал, как тут же «земля» разошлась грубыми расщелинами. И они заполнились какой-то жидкостью. Вязкой и схожей с «озерной».

– Наверное, – думал я, – это здешняя энергия, которая, как и на земле подпитывает мир.

И вправду, густая жидкость словно услышала меня. Она заискрила, и задвигалась хаотично внутри себя. Будто электричество из мультиков побежало по проводам. Смотрелось это все конечно грандиозно.

Пирамиды сразу же ожили. Их непонятное движение от подпитки «речушками» стало напоминать танец заряженных частиц, только в более масштабном зрелище.

На пиках пирамид образовались тягучие корки, издали напоминающие снежные шапки. Будто конденсат этого мира вырвался наружу из-за дыхания «гор».

Мир как будто подмигнул мне. Вернее, я это осознавал. Мне даже стало веселее и приятнее. Сразу захотелось ответить дружеским объятием. Что я и сделал. Я простер кверху руки, и сделал ласковый жест объятий. Мир словно сказал мне: «Можно было этого не делать, я и так знаю, что наша любовь взаимная!» От этого понимания у меня потекла слеза. Но не настоящая, виртуальная. Я ее только ощущал умом. И чувств при этом земных я не испытал. Да и вообще, любовь здесь была сама собой. Ее не нужно было чувствовать, думать о ней. – Всеобъемлющее господство.

Когда лирика легким слоем слезла с тела, я почувствовал себя немного голым. В прямом смысле этого слова. Эта мысль пронзала меня, и исходила из самых глубин моего сознания. Оттуда, где я сам себя еще не создал. Мне из-за этого пришлось вновь надеть на себя лирику, – тоненький слой, жалкое подобие чувственности.

– Непривычно! – Заметил я. – Лучше пока еще побуду в своей шкуре.

Мое замечание касалось того, что я очень быстро ускорился. – Переход в другой мир. Расставание с чувствами в том качестве, каким они были для меня. Созидание нового. Мне казалось, что я все ближе подбираюсь к той самой кнопке путешественника, которую нажмешь, и она тут же перенесет в любое место и любое состояние.

– А возможно... – Задумался я. Причем слова шли будто не от меня и не от внутреннего учителя. – Возможно, эта кнопка так западет, что окажешься в нигде... Как провал между старым и новым годом. Он придуман, и он существует. А если убрать само значение года, то и провал станет вечным... Нигде будет... Ничто...

Я настолько глубоко вошел в эту мысль, причем, явно рожденную мной в наивысшем сознании, что погрузился в медитативный транс. – Я просто существовал. Я познал медитацию такой, какая она должна быть. – Просто жизнь.

Мне это помогло отвлечься от всех остальных глубин мыслительного процесса. И мне стало настолько легко, что я тут же переключил свое внимание на новый мир. Уж очень мне хотелось вернуться к его обаянию. Как к новорожденному малышу, который отвлекает от взрослости и привычности.

– Свежая струя жизни! – Воскликнул я.

Созданное мной, тем временем, преобразилось. Оно словно чувствовало мой настрой.

– Ну, конечно же... – Задумчиво, но, естественно, произнес я. – Этот мир и есть я. Именно поэтому все так едино.

Я засмеялся. И мир тоже. «Озеро» заплескалось, «горы» затряслись, «речушки» заструились, а «земля» и «небо» зажглись заревом неведомой силы. Я был счастлив.

Наступило время, хотя его здесь не было, для дальнейших манипуляций с созданием. Я осмотрел уже созданное, и на ум пришло заполнение «небесных» пустот. Я просто провел рукой, и намерение безотлагательно исполнилось. Все просторы верхнего пространства дополнились искрами. Чем-то похожим на земные звезды, но с большим блеском и красочным

оформлением. Крошечные фонарики имели разную форму. Да и их геометрия очень отличалась друг от друга. Свет от них исходил равномерно, но с большим напором, чем у привычных звезд. Смысл в них я вложил иной. Это были не далекие планеты, а близлежащие спутники нового мира. Нет, они не теснились на небольшом пространстве, и тем более не толкались. Просто это содружество выполняло роль подпитки дополнительной энергией моего мира. Как бы места, куда можно было перемещаться мгновенно, как в другой город. Ими я еще не занимался, чтобы расписать ландшафт, оставил пока в неведении. Ну так, на всякий случай. Вдруг мне потом понадобится хобби, или творческий порыв.

– Не все сразу! – Громогласно заявил я с интонацией мудрого исполнителя.

В некоторых местах спутники объединялись в красивые орнаменты, как созвездие, только более насыщенно и структурировано. А иногда они и вовсе соединялись в единое светлое, но разноцветное пятно. И таких пестрых украшений было много. Я даже придумал игру для себя. Эти планетарные узоры можно было двигать и переставлять на расстоянии силой мысли. Получилось очень забавно и увлекательно. После продолжительного момента весь верх блистал, как продуманная картина из недр вдохновения.

– А ты меня начинаешь удивлять, – вдруг произнес внутренний учитель, – никогда не знал, что у тебя столько терпения для творчества.

– Это, не терпение! – воскликнул я. – Это мой порыв души. И я это делаю с огромным удовольствием!

То ли для показухи своему учителю, а может быть из-за своей увлеченности, я продолжил. Мне стало мало одного светила. И я придумал сразу несколько непривычных okazji. На «небе» появились сразу два «солнца» и две «луны». «Солнца» я назвал светочи души, а «луны» – глубинами разума.

– Так, сказал я сам себе, – тогда и «землю» я назову недрами создания, а «небо» – сознанием. «Солнце» – светоч души, «воду» – энергией жизни, «озеро» – пониманием, «реку» – жилой плодородия, «песок» – просеянными недрами, «небо» – сознанием, а «звезды», как уже говорил – спутниками.

Я немного задумался.

– Аааа, – вспомнил я, – «горы» – пирамиды, «растения» – жизнь.

Потом я слегка утомился, и решил без обозначений продолжить. Вглядываясь в свои новые светила, я обнаружил, что нафантазировал в них целую жизнь. Это были не просто пламенные шары, а энергетические мегаполисы с живым воплощением. Туда я поместил жизнь с более быстрым укладом. С «лунами» – глубинами разума все обстояло гораздо проще, они были пустыми, но именно поэтому в любой момент их можно было наполнить творческим потенциалом. Все это напоминало мне земную жизнь, куда не взгляни чистый источник, смотришь на небо, додумываешь, смотришь на море, фантазируешь, на огонь – вообще фантазия зашкаливает.

– Как хорошо, что существует то, во что можно вкладывать душу бесконечно! – Произнес я праздно.

Все вроде было прекрасно, создание нового мира проходило легко и непринужденно. Я настолько был вовлечен этим вопросом, что земная привычка ходить по черным и белым полосам отпала как-то. Но ведать разум этого не забыл. И как только я захотел переключиться на проекцию нового изваяния, меня словно ударило молнией. Наступила меланхолия. Чувства плотным потоком потекли по всему телу. Я настолько ярко это ощущал, что меня аж начало трясти. Нет, это не была привычная чувственность, которая заставляет людей плакать или смеяться, любить или ненавидеть. В данном случае я, как монтажер мог просто читать этот процесс, как бегущую строку. Вырезать ненужное, и вставлять недостающее. Старая программа моего ума решила поиграть со мной в прежние игры. Только ум еще не отчетливо понимал, что мое сознание стало намного сильнее и независимее. Ему теперь не требовалось идти в одну

ногу со знанием, передвигая точку сборки на нужное расстояние. Ну, как бы, не давая разуму оторваться от тела и улететь в глубины неизведанного. Получалось некое расхождение, вроде разум уже знал о моих истинных безграничных возможностях, а с другой стороны, он все-таки пытался все вернуть на круги своя, – залезть обратно в шкуру человеческую. Простыми словами, на мое прекрасное состояние, ум хотел внести ложку дегтя, ну так, чтобы побаловать себя маятником состояний. Но у него ничего не получалось.

И тут меня осенило.

– А что, если ему подыграть! – сказал я про себя, будто мой разум, это совершенно отдельная от меня единица.

Я прекрасно понимал, что у меня сейчас происходят, именно игры разума. Вроде тех случаев, когда люди познают себя, и начинают верить в то, что сознание – это их глубина и неведомая душа, а разум некий злодей. И поскорее нужно от него избавиться. Войти в некую стадию безмолвия. Не осознавая то, что что именно ум, сознание, душа – это единая структура жизни – одна сущность. Это, как девушка, которая кокетливо заигрывает с будущим кавалером. Отвечая на все вопросы неким отказом, испытывая желание сказать: «да». Запретный плод всегда сладок в предвкушении.

Вот так же получилось и со мной. Я был единым целым не только сам с собой, но и со всеми мирами одновременно, как шкала от ничего до всего. Но в то же время, я просто-напросто соскучился по лукавым перепадам настроения. Мол, у меня все хорошо, но так хочется покапризничать...

И вот я сидел на «земле» – в недрах сознания, и просматривал спектакли своей бывшей чувственности. И в какой-то момент, я так глубоко вошел в это состояние, что у меня самым хитрым образом получилось подыграть себе. Я сам себе лукавил, что чувствую уныние, как и раньше, действительно испытывая его, и в то же время я мог наблюдать, как совершаю это чувство.

Это невероятно, скажу я вам! Сравнимо с кусочком пищи после длительного голодания, но в миллионы раз мощнее и ярче. Я испытал такой экстаз, который не сравнится не с одним кайфом земли. – Наблюдать свои же процессы осознания чувства, это адско-райская смесь. Мне казалось, что я в один миг, и родился, и умирал. Возможно этого не объяснить обычному обывателю, но для сравнения приведу, хоть и жалкий, но все-таки пример, это вроде сексуального оргазма, который длится час без перерыва, да еще и постоянно нарастает по степени увеличения осязаемых толчков.

– Вот это я загнул... – Прокомментировал я сам себя, когда закончился мой пир чувств, причем, комментировал я именно вышесказанное, потому что именно об этих сравнениях думал.

Когда я получил должную порцию наслаждения, я еще раз убедился, что зеркальный мир прекрасен, где плюс тесно связан с минусом. Я мимолетно обдумал весь процесс того, как чистый лист стремиться к написанию чего-то, лишь бы себя замарать в конечном счете.

– Ох уж эта тяга к наслаждению! – Сказал я сам себе с восклицанием. – Наверное, и состояние бога не убирает этот сегмент состояния.

На какой-то миг я отвлекся, и перестал обсуждать свои прежние, и как выяснилось, настоящие привычки. Мне захотелось из обширного, переместиться в более замкнутое пространство. И первой моей целью стали пирамиды. Вначале, я их разукрасил экстерьером. Теперь это стали не просто живые геометрические фигуры, а самые настоящие дворцы гиганты. Нет, внешне, издали, они также походили на пирамиды по форме, но к ним добавились очертания дворцовых зданий, покрытых природным насаждением, здешнего происхождения конечно же.

– Очень смотрится забавно, – умилился я, – но и очень красиво. Чувствуется заботливая рука мастера.

Нет, это была не лесть самому себе, а обычное общение с одобрением. Тем более, что общаться пока я мог только с собой. Ну и со своим внутренним учителем конечно же. Но он почему-то играл в молчанку.

После обновления внешнего вида пирамид, и близлежащий ландшафт заиграл по-другому. Словно подстроился и трансформировался исходя из сильного намерения.

Вдруг, внезапно, появилось углубление в одной из пирамид. И я сразу же подловил себя на мысли, что захотел уютного гнездышка. Пещера так и манила меня, словно кто-то приглашал в гости. В этом случае я выполнял роль, и хозяина. и гостя. Не знаю каким образом, но в мгновении ока я переместился внутрь.

– Ох уж эти волшебные штучки с перемещением! – Восхитился я. – Нужно будет разобрать это таинственное намерение, чтобы обучиться ему, как первым шагам младенца. – Словно работать волшебной палочкой.

Внутри я испытал знакомые ощущения. Холод и темнота посетили мой разум. Но это не растеряло мой новый способ интуитивно изменять состояния и события. Вспыхнул огонь, невидимый, но излучающий свет, и доносящий приятное тепло. Я почувствовал, как моя кожа порозовела от уютной атмосферы. Свет окропил внутреннюю геометрию. Это была молчаливая, с прямыми линиями геометрическая фигура изнутри. Я тут же понял, что хочу большего уюта. И пещера покрылась наскальными обоями, разрисованными орнаментом и странными письменами. Словно здесь кто-то жил несколько тысяч лет тому назад.

– Да, – задумался я, – создаю новое, а получается знакомое. Ну и пусть, это пока. Пока не научился доставать фантазии из глубины. А пока так. Так спокойнее для разума.

И тут я начал фантазировать. Вместо факелов, по стенам распределил пучки пламени, прямо из стен. Причем, непривычного фиолетового цвета. Получилось очень эффектно. Я тут же придумал, что «горный» материал источал зажигательную жидкость. Эта идея меня очень вдохновила на продолжение. В центре пирамиды появилось «дерево», но именно из такого же фиолетового огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.